

А.И. Сидоров

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ СВЯТООТЕЧЕСКИХ ТВОРЕНИЙ И ПУТЬ ПОСТИЖЕНИЯ ОТЦОВ ЦЕРКВИ

Для изучения святоотеческих творений в современной науке используется ряд методов, преследующих частные цели и способствующие прояснению лишь отдельных аспектов внешней стороны святоотеческого наследия. В статье рассмотрены условия, при выполнении которых возможно обретения целостного смысла в патрологических исследованиях. Этот подход автор называет путем постижения отцов Церкви.

Ключевые слова: патрология, Священное Писание, Священное Предание, патрологические методы, церковность, свобода исследования, любомудрие, аскеза, делание, созерцание.

Общеизвестно, что святоотеческие творения составляют существенную и органичную часть *записанного* Священного Предания¹, которое наряду со Священным Писанием является основой основ нашего православного бытия и нашего богословия. Но одновременно следует напомнить, что эти творения представляют собой и часть общекультурного достояния всех христианских народов. Другими словами сочинения отцов Церкви, по своей формальной стороне, суть памятники письменности и как таковые могут изучаться так же, как и все прочие памятники с применением соответствующих научных методов.

В частности, их можно рассматривать с точки зрения *текстологии*, включая изучение рукописной традиции того или иного произведения или группы произведений. Данные творения доступны изучению с *филологической* точки зрения, предполагающей анализ жанровых особенностей сочинений отцов Церкви, их стиля и т.п. Еще они (особенно эпистолярное наследие отцов) могут исследоваться как *исторические* источники, проливающие свет на определенные обстоятельства конкретной исторической эпохи как в земном бытии Церкви,

Алексей Иванович Сидоров — доктор церковной истории, профессор Московской православной духовной академии.

В основу публикации положен доклад автора на Ежегодной научно-богословской конференции Санкт-Петербургской православной духовной академии 7 октября 2010 года.

¹Ср. на сей счет замечание одного нашего догматиста: «К эпохе свободы и торжества Церкви в IV веке вообще почти все Предание получает письменную запись и ныне сохраняется в памятниках Церкви» (*Помазанский М., протопресв.* Православное догматическое богословие. St. Herman of Alaska Brotherhood Press, 1992. С. 26).

так и светского общества. Наконец, некоторые святоотеческие творения (яркий пример тому — «Философские главы» прп. Иоанна Дамаскина) органично входят в контекст истории философии и в таком своем качестве предполагают определенный *философский* подход к ним.

Все названные методы суть средства подхода к памятникам церковной письменности, и каждый метод имеет в виду определенную *частную цель* (издание творений отцов, их перевод на различные языки, их анализ с филологической, исторической и философской точки зрения), достижение которой способствует удовлетворению нашей научной пытливости и прояснению ряда аспектов *внешней* стороны святоотеческого наследия. Напрашивается аналогия с нашей обычной человеческой жизнью, на протяжении которой мы постоянно ставим себе частные цели, порой достигая их, а порой и терпя неудачи на пути этого достижения. Однако всякий человек подспудно ощущает или же ясно осознает, что данные частные цели несколько не подменяют основной цели его человеческой жизни, связанной с поиском и (в идеале) обретением *смысла* нашего земного бытия. Лишь осознание этого смысла может упорядочить хаотичную массу наших конкретных и частных целей, выстраивая их строгую архитеконику. Если обратиться от данной аналогии к святоотеческим творениям, то можно, сказать, что изучение их, помимо частных целей и связанных с ними конкретных методов исследования, должно иметь главную цель и непреходящее смысловое содержание. Тогда возникает очевидная необходимость определения, насколько это возможно для нас.

Как говорилось выше, произведения отцов Церкви являются неотъемлемым достоянием Священного Предания, которое неразрывно соединено со Священным Писанием и, по словам сербского отца Церкви, «как Священное Писание, так и Священное Предание во всех отношениях равно необходимы, равно важны, равно незаменимы»². Или, как говорит один из учеников этого отца, «они составляют одну нераздельную двуединую целостность»³. В рамках подобной целостности и следует, на наш взгляд, искать главную цель изучения святоотеческих творений.

Прежде всего, эту цель немислимо обрести вне Православной Церкви, которая «несомненно, есть “Церковь апостольская”. Но еще Она в самом глубоком смысле есть Церковь отцов. Эти два определения неотделимы друг от друга. Без

² *Иустин (Попович), прп.* Собрание творений., Т. II. М., 2006. С. 29.

³ *Артемий (Радосавлевич), еп.* С Христом на жизненном пути / Сб. работ. М., 2010. С. 140.

святых отцов Церковь не будет подлинно апостольской»⁴. Если частные цели исследования сочинений церковных писателей достижимы в некоторой степени и помимо Православия, то высший смысл такого исследования раскрывается только в Православии. В свое время священномученик Иларион (Троицкий) четко и недвусмысленно высказался относительно Священного Писания: «Книги Священного Писания — это одно из средств, через которые в Церкви действует на людей благодатная сила Божия. Дух Божий оживляет только Тело Церкви, а потому и Священное Писание может иметь смысл и значение только в Церкви»⁵. Другими словами, «Священное Писание — одно из проявлений благодатной жизни Церкви. Оно — имущество церковное, драгоценное и бесценное, но имущество именно церковное. Священное Писание нельзя отрывать от общей жизни церковной. Только Церковь дает смысл существованию Писания»⁶.

Единство Священного Писания и Священного Предания в свете этого несомненного тезиса предполагает и не менее несомненный вывод из него: *вне Православной Церкви нет святоотеческих творений*. Эти творения, как отмечалось, можно рассматривать в качестве литературных памятников, исторических источников, философских произведений и т.д., но такое рассмотрение будет лишь рассмотрением «по букве». Естественно, подобный подход имеет свой определенный смысл и значение, но польза от этого будет только в том случае, если данный подход неразрывно связан с пониманием сочинений отцов «по духу», то есть по Духу Божию, который дышит только в Церкви Божией. Вне этого Духа всякие научные изыскания имеют тенденцию превращаться в мертвящую букву, ибо «буква убивает, а дух животворит» (2 Кор 3:6). Поэтому «Предание есть непрерывное присутствие в Церкви Духа Святого, непрерывное Божие водительство и просвещение. Церковь не связана буквой. Она движется вперед, ведомая Духом»⁷. Постоянное причастие Духу, то есть непрестанное стояние в Православии, и открывает для нас высший смысл изучения святоотеческих творений или *путь постижения отцов*, в свете которого и частные научные методы исследования их обретают свое истинное значение и звучание.

Естественно возникает вопрос: что предполагает такой путь, и какие требования предъявляет он к тем, кто встает на него? По нашему глубокому убеж-

⁴Флоровский Г., прот. Догмат и история. М., 1998. С. 379.

⁵Иларион (Троицкий), свтмч. Священное Писание и Церковь // Голос Церкви. 1914. 4. С. 156. Также см. в: Иларион (Троицкий), свтмч. Творения. Т. 2. М., 2004. С. 154.

⁶Там же. С. 154.

⁷Флоровский Г., прот. Догмат и история. С. 378–379.

дению, прежде всего, это — стяжание смиренномудрия, в том числе и научного смиренномудрия. В конкретном случае оно имеет, помимо всего прочего, ясно осознаваемую презумпцию: святые отцы суть люди *святые* (хотя, само собою разумеется, и небезгрешные), и, тем самым, не только выше любого исследователя, но и являются образцом подражания для него. Эта «дистанция святости» должна четко соблюдаться каждым, кто приступает к изучению сочинений отцов, и она исключает всякие проявления «научно-самолюбивого панибратства» по отношению к ним (такой-то отец якобы что-то «недопонял» или ошибся в том-то и том-то).

Разумеется, авторитет святых отцов не означает слепое принятие всех частных мнений того или иного Отца и не исключает определенной свободы в изучении их. В свое время один русский патролог заметил: «Чем ближе предметы святоотеческих творений к существу христианской религии, тем необходимее соглашаться с воззрениями святых Отцов на сии предметы, тем необходимее подчиняться их авторитету. И, наоборот, чем отдаленнее предметы их размышлений от круга тех истин веры и благочестия, которыми определяется сущность богооткровенного учения, тем менее можно усвоить отеческим творениям значение и важность»⁸. Но эта свобода не должна выходить за рамки соборного веросознания Православной Церкви, то есть не должна превращаться в произвол. Ведь любая свобода всегда есть свобода *ради* чего-то, а не свобода *от* чего-то: последнее и превращает ее в произвол.

В конкретном случае свобода исследования святоотеческих произведений существует только ради вхождения в живое церковное Предание и ради жизни в нем. Мы еще должны постоянно помнить, что изучение творений отцов необходимо предполагает и приобщение святоотеческому богословию, то есть оно предполагает попытку, пусть и весьма скромную и ограниченную, самому стать богословом. А эта попытка связана с большой опасностью духовного падения, поскольку известна апостольская заповедь: «*Блюдите убо, како опасно ходите*» (Еф 5:15) касается всех граней нашего христианского жития и нашего мышления. Невольно на память приходят слова второго Богослова: «Любомудрствовать о Боге можно не всем, потому что способны к сему люди, испытавшие себя, которые провели жизнь в созерцании, а, прежде всего, очистили, по крайней мере очищают, и душу и тело. Для нечистого же, может быть, небезопасно и прикоснуться к чистому, как для слабого зрения к солнечному лу-

⁸ *Порфирий (Попов), архим.* Об авторитете святых отцов Церкви и важности их писаний // Прибавления к творениям святых отцов в русском переводе. Т. XXII. 1863. С. 45–46.

чу»⁹. Всякое изучение святых отцов есть в той или иной степени *любомудрие о Боге*. Оно же необратимо превращается в *суемудрие*, если мы начинаем «любомудрствовать погрешительно», то есть следовать своей гордыне и не стремиться каждый день и час очищать себя. Когда такое стремление отсутствует, тогда дух суетности вторгается в нашу душу и ум, извращая их своим лукавством¹⁰. А этот дух, как известно, исторгается, подобно всякому духу лукавства, только постом, молитвой, бдением и прочими подвижническими трудами.

Таким образом, путь постижения Отцов совершенно *немыслим без аскезы*, мера которой у каждого изучающего святоотеческие писания разная, но без которой мы не можем шествовать этим путем. Другими словами, изучение творений отцов необходимо и неразрывно связано с постоянным устремлением следовать им в своей жизни. Ведь общеизвестен тот факт, что все святоотеческое Предание зиждется на нерасторжимом единстве *действия и созерцания*. И каждый, приобщающийся этому Преданию, не может не прилагать все усилия к соблюдению данного единства, причем того единства, в котором *действие* является первым и необходимым условием *созерцания*, его незыблемым основанием. Не случайно отец Иустин (Попович) сказал: «в Православии на первом месте — жития святых, а на втором — наука, причем наука жизненная, проверенная опытом, благодатная наука, лишенная всего схоластически-мертвого и по-протестански рационалистического». Это суждение со всей очевидностью относится и к православной патрологии, занимающейся изучением святоотеческих творений. Как особая область богословской и церковно-исторической науки, она, конечно, не может обойтись без тех методов, о которых речь шла выше, но ее нельзя ни в коем случае сводить к этим методам. Осуществляя конкретные задачи в своих частных исследованиях, православный патролог не может забывать о главной цели христианского жития — о своем личном спасении; обращаясь к писаниям отцов, он обязан уподоблять себя ученику, приходящему к старцу и вопрошавшему: «Как мне спастись?» Путь изучения отцов и путь спасения того, кто к ним обращается, не суть два пути, а путь — единый и единственный. Только он один — *путь Жизни*, как говорилось в памятниках древнецерковной письмен-

⁹ Григорий Богослов, свт. Слово 27. Против евномиян и о богословии первое, или предварительное // Григорий Богослов, свт. Творения. Т. II. М., 2007. С. 328.

¹⁰ Ср. ясное и точное высказывание: «Любое богословское утверждение тесно связано с жизнью во Христе; богословие, оторванное от жизни веры, вырождается в пустое *многословие*, тщетное умствование, лишенное всякого духовного содержания» (Флоровский Г. *прот.* Догмат и история. С. 380).

ности («Дидахе», «Послание Варнавы» и пр.); всякий другой путь (или пути) есть *путь смерти*.

Особое внимание следует обратить на то, что православный патолог, ретроспективно оглядываясь на историческое бытие Церкви, не может не проводить, среди прочего, и четкой грани между *Православием* и *ересью*. Конечно, ему хорошо известно, что между этими полюсами существовал (и ныне существует) ряд промежуточных явлений, но они существуют лишь постольку, поскольку тяготеют либо к одному, либо к другому полюсу. Например, в IV веке эти полюса ясно обозначались свт. Афанасием Великим и его соратниками, с одной стороны, и Арием, с другой. И пестрая картина различных догматических течений в эту эпоху ясно упорядочивалась их тяготением либо к Православию (в частности, таковым было «омиусианство»), либо к арианству (пример — «омийство» или «аномейство»). Поэтому Православие было и остается Православием, а ересь, в различных своих проявлениях, была и остается ересью. Между ними никогда не было «диалога», а всегда существовала только война или та *духовная брань*, о которой свидетельствует вся история Церкви. И отцы Церкви всегда в этой брани выступали против «супротивной рати», какие бы многоликие формы она не приобретала и на какие бы тактические изощрения она не умудрялась. Путь постижения отцов предполагает ясное осознание данного факта и исключает всякие попытки встать «над схваткой» ради миража некоей «научной объективности».

Источники и литература

1. *Артемий (Радосавлевич), еп.* С Христом на жизненном пути / Сб. работ. М., 2010.
2. *Григорий Богослов, свт.* Слово 27. Против евномиан и о богословии первое, или предварительное // *Григорий Богослов, свт.* Творения. Т. II. М., 2007.
3. *Иларион (Троицкий), сщмч.* Священное Писание и Церковь // *Голос Церкви.* 1914. 4.
4. *Иустин (Попович), прп.* Собрание творений., Т. II. М., 2006.
5. *Помазанский М., протпресв.* Православное догматическое богословие. St. Herman of Alaska Brotherhood Press, 1992.
6. *Порфирий (Попов), архим.* Об авторитете святых отцов Церкви и важности их писаний // *Прибавления к творениям святых отцов в русском переводе.* Т. XXII. 1863.
7. *Флоровский Г., прот.* Догмат и история. М., 1998. С. 379.